

АРТУР МЕЛЛЕР ВАН ДЕН БРУК

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

ТОМ 1:
ПРАВО МОЛОДЫХ НАРОДОВ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 321
ББК 66.0
М47

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с немецкого — Ислам Паштов.

Меллер ван ден Брук, А.

М47 Политические сочинения. Том 1. Право молодых народов. — М.: Тотенбург, 2025. — 262 с.

Сборник представляет собой собрание политических сочинений основоположника Консервативной революции в Германии, объединённых центральной темой — борьбой молодых народов за утверждение своего исторического права на самостоятельное развитие.

В работе «Бельгийцы и балты» автор подвергает глубокому анализу судьбу пограничных немецких территорий, чьё естественное тяготение к германскому культурно-политическому пространству встречает сопротивление со стороны Франции и России.

«Право молодых народов» — масштабное исследование фундаментального противостояния между сложившимися старыми народами и приходящими им на смену молодыми народами. Ван ден Брук тщательно анализирует роль Запада в развязывании Первой мировой войны, а затем рассматривает проблемы европейского конфликта и мирного урегулирования через концепцию подлинной исторической справедливости.

«Социализм и внешняя политика» — статьи, раскрывающие то, как молодой народ должен вести себя в международных отношениях. Демонстрируя лицемерие Запада в отношении Германии, ван ден Брук обращает свой взор на Восток, подчеркивая, что у каждого народа свой социализм, свои принципы и свое право на организацию народной жизни.

**УДК 321
ББК 66.0**

© Ислам Паштов,
перевод с немецкого, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛЬГИЙЦЫ И БАЛТЫ	5
I.....	7
II	12
III.....	28
IV.....	46
ПРАВО МОЛОДЫХ НАРОДОВ.	
СБОРНИК ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭССЕ	49
ЧУВСТВО ПРАВА 1914 ГОДА	56
МОЛОДЫЕ НАРОДЫ	64
ИДЕИ СТАРЫХ НАРОДОВ	
И ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЫХ НАРОДОВ	104
ХАОС ВОЙНЫ.....	133
ОРГАНИЗАЦИЯ МИРА	166
ВЫЗОВ	192
СОЦИАЛИЗМ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.....	201
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	203
ВВЕДЕНИЕ: ПРУССАЧЕСТВО И СОЦИАЛИЗМ... 207	
ГЛАВА ПЕРВАЯ. КОНЕЦ ИРРЕДЕНТЫ	212
ГЛАВА ВТОРАЯ. СОЦИАЛИЗМ НА ГРАНИЦЕ	
ИЛИ ГРАНИЦА СОЦИАЛИЗМА	217
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОТЕЧЕСТВО И РОДИНА	223
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОГРАНИЧНАЯ	
ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ.....	235
ГЛАВА ПЯТАЯ. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ	
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.....	244
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЛЕНИН И КЕЙНС	249
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. НАШЕ РЕШЕНИЕ.....	256

БЕЛЬГИЙЦЫ И БАЛТЫ¹

---

¹ Belgier und Balten. Stuttgart und Berlin 1915 (Der Deutsche Krieg, politische Flugschriften, herausgegeben von Ernst Jäckh, neunundfünfzigstes Heft). — *Здесь и далее прим. пер.*

Большие контрасты поддерживают народ. В этом жизнь и история совершенно схожи: единство, которое перестает быть целью и превращается лишь в состояние, есть погибель для людей.

Народ должен иметь проблемы, которые его занимают, круговорот крови, а также духовного, экономического и политического развития, который благодаря этому все шире разрастается кругами, снова и снова открывает возможности, вновь и вновь ставит перед новыми необходимостями: и нет ничего, чего мы меньше всего желали бы для нации, чем чтобы ей все было даровано от природы или истории.

Лишь те народы творили историю, достигали долговечного могущества и сохраняли свое величие, которым приходилось сражаться за само свое существование — тем, кто был вынужден завоевывать буквально все, подчас даже саму природу: свою землю и ландшафты, чувство родины, условия жизни и расовый состав.

Потому наш немецкий дуализм, укорененный в нашей сути так глубоко, что сделал нас поистине дуальным — а значит, центральным и универсальным народом Земли (ведь двойственность рождает всесторонность), — вовсе не слабость, как часто полагают, а наша сила. Без нее мы никогда не смогли бы сохраниться в этом прочном и плодородном среднеевропейском развитии.

Уже в начале нашей истории было проявлением силы то, что мы творчески восприняли и выдержали противоречие между варварами, которыми мы были, и культурой, в которую мы попали, так что в конце концов варвар

стал носителем культуры в Римской империи. Нашей силой было и то, что, стоя перед выбором, куда перенести средоточие нашей расы и политики, к Средиземному морю или к Северному морю, мы избрали оба пути, донеся до человечества и гибеллинскую, и вельфскую² идеи. И снова нашей силой стало то, что когда мировой монизм папства распался, мы заменили его индивидуальным исповеданием протестантизма, который затем вновь стал основой немецкого самопознания, которое мы называем немецкой философией.

Этими противоречиями и контрастами, в которых мы двигались и которым мы добровольно себя подвергали, мы, конечно, создавали для себя опасности, которых другие народы с более уравновешенным и, казалось бы, более счастливым развитием совершенно не знали; мы, конечно, также принимали на себя конфликты, как, например, последний — прусско-австрийский, — которые впоследствии покажутся нам ложным путем; и все же все они как переходные этапы были не только необходимы для возникновения высшего единства, но именно они и сделали нашу историю такой насыщенной и весомой, такой богатой фигурами и событиями, были той восторженной целью, которую мы ставили своему существованию.

Сегодня наша сила, а вовсе не слабость, заключается в том, что мы одновременно северные и южные немцы; католики и протестанты; аграрии и промышленники; западноэльбийцы и восточноэльбийцы; консерваторы в провинции и прогрессисты в больших городах или иных центрах развития; интеллектуально — народ индивидуали-

---

² Гибеллины и вельфы — политические группировки в средневековой Италии (XII–XVI вв.), поддерживавшие, соответственно, императора Священной Римской империи (гибеллины) и Папу римского (вельфы). Их противостояние отражало борьбу за власть между светской и церковной властями. Названия происходят от германских родов Вельфов и Штауфенов, владевших замком Гаубелинг.

зации и специализации, а социально — народ организации и масс; да, мы в наших политических, этических и иных партиях, там где народы обычно открыто провозглашают свои противоречия и публично их отстаивают, доводим разделение мнений почти до хаотически-гротескных форм, занимая примерно столько же позиций, сколько требует наша и без того чрезвычайно сложная реальность.

Многообразие всех этих отношений, которые к тому же многообразно пересекаются между собой, было бы опасностью, если бы оно само собой не упорядочивалось и не лежало бы на уровне полностью сплоченной воли нации — воли яростного, но упорного подъема, в котором она находилась, когда разразилась война: вместо этого теперь оказывается, что именно в многообразии скорее заключается наше спасение, одновременно накопление и распределение, и что противоречия, которые мы несем в себе, очень часто являются лишь предпосылкой их собственного уравнивания во взаимобмене.

Таким же образом, результаты войны после ее окончания сами собой повлекут за собой то, что мы снова должны будем принять в наш народный организм, в нашу государственную структуру, в наши средневропейские духовные связи новые дуализмы, которые, однако, в наших снова расширившихся условиях сделают нас только богаче и благодаря которым мы только и обречем ясность относительно них и равновесие в них.

Хотя бы поэтому мы не должны уклоняться от этих дуализмов, а должны идти им навстречу, должны принимать их не как бремя и с неохотой, а с серьезностью и решимостью: как народ, преодолевающий проблемы, которым мы являемся и который совершенно точно знает, что случайные дары и счастливые обстоятельства недолговечны в жизни народов и что лишь достигнутое с тру-

дом и собственными силами, и будь то даже трагический результат, имеет значение в мировой истории.

Эти новые дуализмы не являются политическими проблемами или являются таковыми лишь косвенно: скорее они повсеместно существовали уже до войны, но лишь благодаря войне они привлекли наше внимание и были осознаны, и после войны они, конечно же, также потребуют решения, которое соответствует новому, созданному войной государственному порядку или, во всяком случае, не противоречит ему.

Но по своей сути это проблемы людей и народов, чьи трудности проистекают из самого факта их существования. Речь идет о пограничных территориях, которые как бы принадлежат нам, но в то же время не совсем. Война связала нас с ними еще теснее. Это вопросы климатических зон и экономических укладов, характерных для этих регионов, образа жизни местного населения, их вероисповедания, языка, на котором они говорят, и расовой принадлежности. Все эти факторы создают сложную картину, требующую осмысления и решения.

В политическом плане они проистекают из того обстоятельства, что мы как нация в составе Империи имеем выход к двум морям — Северному и Балтийскому, каждое из которых требует особых прав, имеет свои особые условия существования, и при этом оба должны служить общему великому внутреннему пространству германства, от которого они сами в своих прибрежных районах в той или иной степени зависят.

Перед нами стоят и другие задачи: они опоясывают наши границы или примыкают к ним — проблемы Австрии, славянства, Турции, империалистически-колониальные задачи, от дел внутри страны до заморских территорий.

Но нет проблем, которые были бы так органично вплетены в наше национальное тело, как части его, ощу-

щаемые при каждом движении, которые расположены так близко к нашим плечам, на одной оси, дополняя друг друга больше, чем противореча, как те, что простираются от Бельгии до Балтии: здесь нас уже связывает древняя культура, простирающаяся от Брюгге до Ревеля, а ныне война придала им новое значение — расово-психологическое и национально-экономическое, но также и в общегерманском историческом и духовно-историческом смысле.

II

Общественное мнение Бельгии и Германии теперь нашло общий язык и взаимопонимание, которые будет нетрудно сохранить. Более того, вполне вероятно, что со временем из этого договора прорастут многочисленные ростки, которые сейчас невозможно предвидеть или которые кажутся совершенно иллюзорными. Очевидно, что современный импульс развития народов направлен к морям. Должны ли мы, немцы, участвовать в этом движении? Где же тогда наше будущее, как не в возрождении того великого прошлого, когда Батавское побережье принадлежало Империи, а Северное море носило свое подлинное имя — имя «Немецкого океана», которое оно сохраняет у англичан и по сей день?

«Энциклопедический словарь Мейера», 1845 г.

В этой войне народы сражаются за великие исторические взаимосвязи, в которых они пребывают, за расу, к которой принадлежат, за культуру, которую представляют: они борются за свою притягательную силу.

Притязание сталкивается с притязанием: здесь защищают древнюю культуру, там пробивается молодая воля; одни стремятся утвердиться, опираясь на живую традицию, другие требуют пространства для своей созидательной работы.

Эта война, которую мы снова называем материалистической, на самом деле глубоко духовна, ибо в ней речь идет не только о победе определенных экономических устремлений, но прежде всего о господстве определенных этнологических и идеологических систем, имеющих своих выразителей в каждой нации.

Мы острее всего ощущаем это духовно-политическое существо Мировой войны там, где сталкиваются два великих европейских культурных и расовых противоречия — германское и романское, где их трение наиболее интенсивно, где два потока вырываются из одной области, чтобы влиться в другую: между Шельдой и Маасом.

Бельгия является ярким примером дуалистического разделения, которое романские народы не без оснований приписывают влиянию германцев. И все же еще Гобино³ отмечал, что именно этот дуализм сделал Европу, как некогда Элладу, плодотворной, а само романство, бывшее в кельтский период бессильным и безразличным, лишь через германизацию обрело силу и значение.

В Бельгии этот германский дуализм проявился наиболее непосредственно. Здесь, на передовой расовой территории, согласно самой природе немецкого и дуалистического начал, произошло дальнейшее разделение, в итоге расколовшее страну на фламандскую и валлонскую половины, где в течение веков попеременно преобладало то германское, то романское влияние.

Сегодня, в переломный момент, когда бельгийское правительство выбрало Францию, а территория страны оказалась под Германией, Бельгия кажется лишь жертвой извечного противостояния германского и романского начал. И она неизбежно должна была стать этой жертвой, ибо вопрос ее истинной кровной и духовной принадлежности и будущего предназначения слишком запутан, чтобы быть решенным свободным соглашением людей, а не суровой властной волей судьбы.

Однако и сейчас речь идет не столько о политике, сколько об идеях, стоящих за ней. Для Бельгии в этой

---

³ Жозеф Артур де Гобино (1816–1882) — французский писатель, дипломат и социолог, известный своей теорией расового детерминизма. В своем главном труде «Опыт о неравенстве человеческих рас» Гобино утверждал, что расы неравны по своей природе, а смешение между ними ведет к упадку цивилизаций.

войне и после нее важны не столько возможные новые границы, сколько границы языковые, притягательная сила расы, которая наиболее отчетливо проявляется в распространении языка, и прежде всего — границы духовные, то культурное влияние, которое германская или романская культура будут оказывать на спорную территорию.

Англия также вовлечена в бельгийские проблемы, но ее участие носит исключительно политический характер. Пока Франция оставалась континентальным врагом Англии, фламандские земли избегали английского вмешательства. Лишь Кале на французской территории был предметом спора, Ипр однажды осаждали англичане, а Турне временно был английской крепостью.

Но в остальном за Фландрию боролись французы с одной стороны и немцы, испанцы, австрийцы — с другой. Политически Бельгия не представляла для Англии удобного плацдарма против Франции. В культурном отношении лишь широкие тюдоровские арки, вписавшиеся в нидерландский Ренессанс, указывают на близость Бельгии и Англии.

Политическая ситуация изменилась, когда Франция уступила место великой державы Германии. Лишь тогда Бельгия обрела для Англии значение благодаря своему промежуточному положению; тогда разгорелся спор об укреплениях на Шельде, и прозвучали слова, что истинной восточной границей Англии является не побережье пролива, а сама река Маас.

Сегодня, в условиях, созданных войной, в Бельгии сталкиваются не столько Франция с Германией, сколько Англия с Германией — тогда как старый романо-германский конфликт сохраняется лишь в культурной и расовой сфере, который Англия позволяет зависимым от нее французам защищать, будучи к нему равнодушной.

Англия больше не сражается за свою культуру, ибо та, которой она некогда обладала — Шекспир⁴, полнокровная жизнь елизаветинской эпохи, которую мы любим по Фальстафу⁵, Дефо⁶ и сэру Уолтеру Рэли⁷, — уже не принадлежит ей, а сохраняется немцами. Не борется Англия и за свою расу, ибо предала ее.

Ныне Англия сражается лишь за свое ущербное «Я», за господство на морях и возможность при любых обстоятельствах получать больше, чем отдавать; за мещанский идеал хорошо одетых людей, умеющих устраиваться в жизни и совершающих лишь одну ошибку — этическую и психологическую: не видящих и не понимающих, что в мире можно выгодно торговать товарами, но чтобы завоевать людей, нужно предлагать больше, чем получать от них; что нужно обладать силой для жертвенного порыва, расточая свое «Я»; что нужно иметь ценности, формирующие это «Я».

Притягательная сила практически-цивилизаторских или стерильно-эстетических достижений — единственных ценностей, созданных Англией в XIX веке, — еще велика в мире, особенно среди народов, меньше всего верящих в себя или полагающих, как и мы одно время полагали, что для прогресса необходимо следовать английским путем. Но эти ценности — от железных дорог и па-

---

⁴ Уильям Шекспир (1564–1616) — английский поэт и драматург, ключевая фигура мировой литературы. Автор по меньшей мере 38 пьес, 154 сонетов и нескольких поэм. Его творчество оказало огромное влияние на развитие театра и языка.

⁵ Фальстаф — комический шекспировский персонаж, рыцарь-плут из «Генриха IV» и «Виндзорских насмешниц».

⁶ Даниель Дефо (ок. 1660–1731) — английский писатель, публицист и памфлетист, считающийся одним из основоположников европейского романа нового времени. Наиболее известен как автор «Робинзона Крузо» — одного из первых романов в жанре реалистической прозы, рассказывающего историю выживания моряка на необитаемом острове.

⁷ Уолтер Рэли (ок. 1552–1618) — английский государственный деятель, придворный, поэт, путешественник и историк эпохи Елизаветы I. Один из самых ярких представителей елизаветинской эпохи, прославившийся как организатор колониальных экспедиций в Северную Америку и искатель мифического Эльдорадо.

роходов до Бокля⁸ и Дарвина⁹ — давно стали европейской обыденностью, были развиты и переосмыслены; либо адаптировались, как спорт и гигиена; либо были разоблачены и отвергнуты, как прерафаэлитизм¹⁰, ханжеская мораль или Оскар Уайльд¹¹. А за оставшееся — за образцовость в морском деле, государственном управлении и светской жизни, которым мы противопоставляем наш прусско-германский путь, — теперь идет борьба.

Но именно в ближайшей к Англии Бельгии цивилизаторская притягательность английских новшеств оказалась слабее всего. Некоторое время казалось, что бледный, бескровный стиль британских декораторов найдет продолжение в бельгийско-арабском неоготическом орнаменте, но современная жизнь в Бельгии оказалась сильнее и сохранила страну в состоянии известной самостоятельности, в срединном европейском положении, ориентирующем ее скорее на Францию и Германию как их естественные глубинные территории.

Цивилизационное развитие современной Бельгии перед войной естественным образом разделилось между

---

⁸ Генри Томас Бокль (1821–1862) — английский историк-позитивист, автор новаторского труда «История цивилизации в Англии». В отличие от традиционной историографии, сосредоточенной на политических событиях и деятелях, Бокль разработал концепцию, согласно которой развитие общества определяется природными условиями, интеллектуальной деятельностью и прогрессом знаний. Считал, что «религия, литература и правительство в лучшем случае являются продуктами, а не причинами цивилизации».

⁹ Чарлз Роберт Дарвин (1809–1882) — английский натуралист, путешественник и основоположник эволюционной теории. Автор фундаментального труда «Происхождение видов путем естественного отбора», в котором сформулировал принципы естественного отбора и изменчивости видов.

¹⁰ Прерафаэлитизм — художественное и литературное движение, возникшее в Англии в 1848 году и объединившее группу молодых художников и поэтов, выступавших против академических традиций и подражания мастерам Высокого Возрождения, особенно Рафаэлю. Название отражает их стремление ориентироваться на искусство до Рафаэля — эпохи «искренней» религиозности и внимания к природе. Движение распалось через несколько лет.

¹¹ Оскар Уайльд (1854–1900) — ирландский писатель, поэт, драматург и эссеист, ключевая фигура европейского эстетизма и декаданса конца XIX века. Мастер парадокса, яркий оратор и сторонник «искусства для искусства».

двумя влияниями: Брюссель все более становился духовно французским городом, тогда как Антверпен — экономически немецким. Бельгийцы, оказавшиеся между парижским и рейнским влияниями, восприняли от обеих культур самое существенное: они стали предпринимателями (чем французы никогда не были, а немцы всегда), сочетая немецкую деловую основательность с романской азартной подвижностью и верой в удачу, что отличает романского спекулянта от вестфальского промышленника или ганзейского купца.

Это бельгийское предпринимательство, которое во многих сопутствующих деловых и жизненных привычках — не народ, но как общество — все более склонялось к французскому, будь то просто местное тщеславие сделать из Брюсселя другой Париж, затем получило дополнительное подтверждение через романскую культуру, которую французская притягательная сила незаметно использовала и для политических целей и которую в Бельгии принимали с возрастающим восторгом.

Правда, латинская классичность, на которую романский элемент во всех странах привык ссылаться, в своей живой значимости и духовном единстве становилась все более сомнительной: романской расы, на которую эта латинская классичность могла бы опереться — после смешения с германцами, сарацинами, левантийцами, кельтами и пунийцами о чистоте романской расы не может быть речи, она скорее разделилась на целый ряд национальностей, сгруппировалась как минимум вокруг двух центров — Рима и Парижа. И столь же мало существует культура, которая сохранила бы эту чистоту и единство хотя бы духовно. Скорее, под националистической упаковкой, которая сегодня апеллирует к латинской классичности, в зависимости от происхождения, склонностей и партийной принадлежности можно представить себе итальянское или французское, языческое или христиан-

ское, реакционное или революционное; римский скепсис, пожалуй, даже налет стоицизма, смешивается здесь с патриотически-террористическим и карбонарийско-анархистским фанатизмом; Вергилий¹² и Макиавелли¹³, Буало¹⁴ и «Марсельеза»¹⁵ делят между собой власть над инстинктами больше, чем над идеями; одним кажется, что Католическая церковь очень подходит, другим — что совсем нет; Вольтер¹⁶ должен примириться с Паскалем¹⁷ и, возможно, с Боссюэ¹⁸; масоны прославляют Деву Орлеанскую — и все эти противоречия в конечном счете удерживаются вместе только ненавистью, с которой романские народы и люди объединились против Германии как представителя другого, германского принципа, который вот уже две тысячи лет оспаривает у романского духовное мировое господство (что терпели), а теперь и политическое (что терпеть не хотят).

Но факт остается фактом: романские нации ведут эту войну во имя латинской классичности. Они надеются через победу на поле боя (в которой они не сомневаются, как дети, негры и южане никогда не сомневаются в том,

---

¹² Публий Вергилий Марон (70–19 до н. э.) — величайший поэт Древнего Рима, автор «Энеиды», «Буколик» и «Георгик». В Средние века Вергилия почитали как мудреца и даже приписывали ему христианские пророчества. Данте в «Божественной комедии» изобразил его проводником по Аду и Чистилищу.

¹³ Никколо Макиавелли (1469–1527) — итальянский политический мыслитель, философ, писатель и государственный деятель эпохи Возрождения, автор знаменитого трактата «Государь».

¹⁴ Никола Буало-Депрео (1636–1711) — французский поэт, критик и теоретик классицизма, автор знаменитого трактата «Поэтическое искусство», который стал сводом правил для литературы эпохи классицизма.

¹⁵ «Марсельеза» — национальный гимн Франции, написанный во время Французской революции в качестве «Военного марша Рейнской армии».

¹⁶ Вольтер (настоящее имя — Франсуа-Мари Аруэ, 1694–1778) — французский философ-просветитель, писатель, историк и публицист, один из ключевых деятелей эпохи Просвещения.

¹⁷ Блез Паскаль (1623–1662) — французский математик, физик, философ и писатель, один из величайших умов XVII века, внесший свой вклад как в науку, так и в христианскую теологию.

¹⁸ Жак-Бенинь Боссюэ (1627–1704) — французский богослов, проповедник, историк и писатель, один из главных идеологов абсолютизма и галликанства (национальной французской церкви) при дворе Людовика XIV.

чего желают) завоевать для нее и окончательную победу среди духа; фактом является и то, что в частности Франция не получила и не получает лучшей притягательной силы, чем та, что заключается в возможности апеллировать к латинской классичности, и свою наилучшую притягательную силу она имеет там, где эта классичность наиболее удалена от своего средиземноморского происхождения и наиболее глубоко проникла к северным берегам: в той самой Бельгии, чьи люди всегда делились на двойное расовое происхождение и языковую принадлежность и чья земля сегодня стала ареной последнего и величайшего противостояния романства и германства.

Да и сама Бельгия когда-то обладала притягательной силой. Это было не только тогда, когда немецкие императоры и франкские короли исходили из страны Хлодвига и Меровингов¹⁹, и весь северо-восток современной Франции попал под прекрасную власть, силу и оформление, чей княжеский стиль был германским, хотя мы называем его романским. Это продолжалось и позже, когда разделение больших империй уже произошло, когда разве что мимолетно-великолепное творение Бургундии однажды продвинулось к Северному морю, но в остальном здесь, на севере, в свободном фламандском уголке, при дворе фламандских вельмож, в Генте и в богатых торговых и портовых городах, богатейшим из которых была живая мировая метрополия Брюгге, под могучим символом самых мощных беффруа²⁰, выросла собственная культура замкнутой полноты, которая в свое время — а времена эти длились веками — намного превосходила культуру терзаемой Англией Франции и обратившейся к Италии Германии.

---

¹⁹ Меровинги — первая королевская династия франков, правившая с V по VIII век на территории современных Франции, Бельгии и части Германии. Хлодвиг I (ок. 466–511) — самый значительный король Меровингской эпохи.

²⁰ Беффруа — тип средневековой городской башни с колоколами.

Все же эта культура находилась в широких взаимосвязях с немецкой, была ее частью и особой формой: та же раса ее создала; французские влияния, которые тогда проникали в нее из соседства, а не благодаря притягательной силе, были столь же незначительны, как позже испанские, проникшие через насилие; более того, фламандская культура изначально основывалась на немецкой культуре, даже фламандская музыка вышла из германских монастырских школ, а мистика и живопись были в Кёльне раньше, чем в Утрехте и Льеже; Майстер Экхарт²¹ и Майстер Вильгельм²² были раньше Яна ван Рейсбрука²³ и Яна ван Эйка²⁴.

Только вот сомкнутое и обширное движение в ограниченной в пространстве, но духовно возвышенной жизни фламандской Родины привело фламандскую культуру — совсем не так, как немецкую, всегда страдавшую от раздробленности Отечества, — к развитию своих форм и к признанию в мире!

Благосклонность политических обстоятельств была здесь больше — они их завоевали себе при всех внутренних беспорядках вовне, с тех пор как дали отпор французам в Битве золотых шпор²⁵, как позже испанцам в войнах гезов²⁶; и больше была благосклонность экономических обстоятельств, направлявших мировой торговый поток

---

²¹ Мастер Экхарт (ок. 1260–1328) — немецкий теолог, философ и мистик.

²² Вильгельм (Вильям) Кёльнский — средневековый немецкий художник, работавший в Кёльне и упоминаемый в городских хартиях между 1370 и 1390 годами. Он считается выдающимся художником Кёльнской школы.

²³ Ян ван Рейсбрук (1293–1381) — фламандский мистик, теолог и писатель.

²⁴ Ян ван Эйк (ок. 1390–1441) — фламандский художник раннего Северного Возрождения, один из первых мастеров, доведших технику масляной живописи до совершенства.

²⁵ Битва золотых шпор — крупное сражение 11 июля 1302 года между фламандскими ополченцами и французской армией Филиппа IV Красивого у города Кортрейк (современная Бельгия) во время Фламандского восстания 1302 года. Эпизод франко-фламандской войны (1297–1305).

²⁶ Гёзы — участники антииспанского освободительного движения в Нидерландах во время Восьмидесятилетней войны (1566–1648), боровшиеся за независимость от Испании.

в порты Брюгге, а затем Антверпена и даже позволивших крестьянскому перенаселению Фландрии — больше, чем любому другому немецкому племени — через своих «восточных путешественников» участвовать в колонизации дальних земель на Эльбе и у славян.

Так вышло, что фламандцев знали за пределами Германии лучше всех прочих немцев — везде, где бросали якорь фламандские корабли: от Новгорода и Данцига до Марсея и Лиссабона; что слава об их умениях разносилась повсюду, и уже Хуго ван дер Гус²⁷ писал для Флоренции, как позже Рубенс²⁸ — для Парижа, ван Дейк²⁹ — для Генуи и Лондона.

Но затем наступил откат: он явился с барокко, с католичеством и контрреформацией, которые теперь, после того как испанская опасность была отражена политически, открыли дорогу французскому влиянию в стране.

Французская сила притяжения выступила вперед и не только превзошла фламандскую в мире, но и сломила фламандский дух в собственной стране.

Правда, Голландия отделилась, нашла в протестантизме силы хотя бы временно принять на узкой полоске своей слишком маленькой земли борьбу против Англии и все же построила Амстердам, как породила Рембрандта³⁰; но сама Фландрия отступила, подчинялась французскому влиянию все больше, позволила Людовику XIV³¹ отнять

---

²⁷ Хуго ван дер Гус (ок. 1440–1482) — фламандский художник эпохи Северного Возрождения, мастер алтарной живописи и портрета.

²⁸ Питер Пауль Рубенс (1577–1640) — фламандский художник эпохи барокко, дипломат и коллекционер, один из самых влиятельных мастеров европейской живописи.

²⁹ Антонис ван Дейк (1599–1641) — фламандский художник эпохи барокко, мастер портретной живописи и ученик Питера Пауля Рубенса.

³⁰ Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) — величайший голландский художник и гравёр эпохи Золотого века Голландии.

³¹ Людовик XIV, известный как «Король-Солнце», правил Францией с 1643 по 1715 год. Речь идет о Деволуционной войне 1667–1668 годов против Испанской империи и ее союзников. В результате заключенного Ахенского мира Людовик вернул Карлу II, королю Испании, ряд территорий, но взамен

Артуа и половину Эно, красивейшие города вроде Лилля, Дуэ и Валансьена, прославленные старинным фламандским наследством; позволила своему знаменитейшему искусству, живописи, перейти во французскую сферу влияния и уже через несколько десятилетий после ван Дейка (умершего в космополитическом зарубежье, после того как бюргерская Фландрия перестала его удовлетворять) отдала Франции своего следующего великого сына и художника — Ватто³², для прославления рококо.

* * *

Этой французской притягательной силе, которая в XVII и XVIII веках действительно основывалась на культуре, мы вновь противостоям сегодня в Бельгии, хотя французская культура и здесь давно уже стала лишь предлогом для французской политики.

Французы во время Великой революции завоевали Бельгию, а затем при Наполеоне III снова пытались ее завоевать. Войдя тогда в страну, они ограбили и осквернили церкви набожного народа, превратили их в храмы Разума, разрушили Брюггский собор, сбросили княжеские статуи с ратуши Брюгге и наполнили украденными произведениями искусства свои новые пустые музеи. Но французская притягательная сила сохранилась до сегодняшнего дня.

Она сохранилась не потому, что валлонское население с особым рвением восприняло и активно распространяло ее. Напротив, валлонское население как низший социальный слой слишком пролетарски-неполноценно и рабски-зависимо, слишком необразованно и не нуждается в образовании, чтобы политика и культура могли найти среди него почву для распространения.

приобрел некоторые земли в Нидерландах. Во время Голландской войны (1672–1678) Франция завоевала еще больше территорий.

³² Жан-Антуан Ватто (1684–1721) — французский художник, один из основоположников стиля рококо и создатель жанра «галантных сцен».

Французская притягательная сила воспринимается и распространяется исключительно Брюсселем, бельгийским обществом, городским населением, католическим духовенством, французской прессой — всеми теми элементами, которые либо считают галло-латинские культурные формы высшими, либо практически нуждаются в международном языке для самовыражения. Никто так не подтверждает и не оправдывает французскую притягательную силу, как известные бельгийские писатели, создавшие франкоязычную литературу в Бельгии, причем сами они чаще всего не только фламандского имени и крови, но и сохраняют вполне германскую, мистико-лирическую ментальность.

Этой французской притягательной силе противостоит фламандское движение, центр которого находится в Генте. Оно не стремится опереться на родственную немецкую силу притяжения, хотя могло бы, а остается чисто внутренним движением, но может апеллировать к численности и укорененности: четыре миллиона фламандцев против трех миллионов валлонов, французов и брюссельцев; весь красивый и здоровый север страны против все более вырождающегося юга; крестьянин и рыбак против промышленного рабочего. В культурно-историческом плане оно является древнегерманским лишь постольку, поскольку в защите языка и Родины по-прежнему ссылается на великое фламандское прошлое как на важнейшую историческую память бельгийского народа.

Насколько это фламандское движение — народное, а не общественное дело, мы сегодня видим на фронте, где во фламандской местности нас повсеместно встречают дружелюбием простые люди, связанные с нами общностью нижненемецкого языка. Это относится и ко многим образованным фламандцам, чье фламандское образование срослось с нашим немецким. Для обеих сторон — и фламандцев, и немцев — это, возможно, еще принесет плоды.

Действительно, фламандское движение, германское сознание, произвольно сохранившееся в нем и через него, является не только этической, но почти уже политической удачей в том затруднительном положении, в котором мы оказались: необходимости найти какой-то *modus vivendi*³³ с Бельгией и бельгийцами, независимо от будущей государственной формы.

Этого не было в Эльзасе, с которым сейчас любят проводить пугающие параллели. Бельгийская ситуация отличается от эльзасской, в которой мы оказались сорок четыре года назад: эльзасцы не могли сослаться на собственную германскую самобытность, чьи культурные достижения временами превосходили достижения метрополии; а те эльзасцы, которые вообще апеллировали к культуре, тогда почти все хотели быть или казаться французами. В Бельгии же, и это важно отметить, более половины населения по собственной воле, в силу фламандской земли и языка, стремятся к расовому единству с Германией.

Однако мы должны ясно осознавать, что фламандское движение само по себе никогда не сможет стать немецким движением: оно регионально и идеалистично, как валлонское, как некоторые южногерманские настроения и течения, которые лишь через сложные исторические перипетии пришли к великогерманскому единству.

* * *

Сила многогранного германского дуализма проявится именно в том, что он объединит все немецкие племена в прочном союзе, сохраняя их внутреннюю самобытность, и, возможно, лишь через это объединение в полной мере раскроет и выявит их уникальные ценности. Но импульс к такому объединению должен исходить от самого германского духа — от немецкой притягательной силы.

---

³³ «Образ жизни» или «способ существования» — пер. с лат.

В экономическом плане эта притягательная сила в Бельгии давно присутствует и действует. Экономическая жизнь Бельгии, как и Голландии, независимо от политики и государственных границ, давно следует за мощным германским тылом. Антверпен уже занял свое место среди великих портовых городов — от Амстердама и Роттердама до Бремена и Гамбурга, — которые совместно обслуживают континентальные торговые потоки, обращенные на север и к Северному морю. Будущее Антверпена будет зависеть от степени его участия в той обратной континентальной блокаде, которая призвана обуздать эгоизм Лондона и вернуть Англию к ее истинной сущности — острова, заботящегося лишь о самом себе.

Экономическую притягательность невозможно серьезно оспорить. Сила факта, что именно Германия (а не Франция), трудолюбивая и перенаселенная Германия (а не живущая на ренту и вымирающая Франция) является исторически предопределенным тылом Бельгии, всегда будет могущественнее симпатий людей (самих не являющихся ни французами, ни даже романцами, а лишь говорящих по-французски) к чисто французским формам жизни — не говоря уже о национальной неспособности французов к тем основательным, необходимым и масштабным задачам предпринимательства, которые стоят перед Бельгией.

Поскольку Бельгия в этом смысле — независимо от ее воли — является для нас историко-экономическим аванпостом, а бельгийское общество отвергло духовную притягательность Германии в пользу французской, мы не сможем действовать последовательнее (а политика есть искусство последовательности в межнациональной жизни) и, следовательно, политичнее, чем сделав ставку на нашу экономическую притягательность, которая от этого не становится менее немецкой или менее духовной.

Иллюзия (обычно гнездящаяся в ограниченных умах, но не в целостных людях), будто одна лишь культура

может обеспечить и осуществить политику народа, идеалистически регулируя международную жизнь, вновь жестоко развевалась этой войной: Греция когда-то пала жертвой этой иллюзии, Германия тоже могла бы погибнуть.

Культура следует за политикой, а не предваряет ее, и только этим окольным путем дух народа (если он не хочет принести себя в жертву) и сам народ могут надеяться достичь других народов.

Бельгийцы (если не считать воздействия на них немецкой музыки) в массе своей абсолютно ничего не знают о немецкой культуре. Мы не станем апеллировать к Шиллеру³⁴ и Гёте³⁵, которые и так доступны всем желающим — тем более что с бельгийцами мы давно должны быть связаны через «Эгмонта», как со швейцарцами связаны через «Вильгельма Телля».

Но мы сблизимся с бельгийцами через саму жизнь — там, где их понятие свободы (которое они, как и швейцарцы, унаследовали из великого прошлого и которое мы воплотили для них в нашей литературе) укоренено в реальности: в нашем государственном устройстве мы реализуем это понятие свободы, которое романские народы давно растеряли в анархическом распутстве под влиянием революционных идей; которого лишилась и Англия, карикатурно изобразив консерватизм в либеральных тонах, а либерализм — в консервативных; которое, напротив, на военно-политической основе Пруссии, этике Канта и метафизике Гегеля стало величайшей — единственной по-настоящему влиятельной — культурой, созданной Германией.

---

³⁴ Фридрих Шиллер (1759–1805) — немецкий поэт, драматург, философ и историк, ключевая фигура веймарского классицизма (наряду с Гёте).

³⁵ Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749–1832) — немецкий поэт, мыслитель, ученый и государственный деятель, символ немецкой литературы. «Эгмонт» — трагедия Иоганна Вольфганга фон Гёте, основанная на исторических событиях Нидерландской революции XVI века. «Вильгельм Телль» — романтическая драма о швейцарском народном герое, борющемся против австрийского гнета.

Силой современной жизни, порожденной трудом в Германии и естественно соединяющейся с трудом в Бельгии, мы докажем бельгийцам на практике, что французское понимание свободы, достаточное лишь для их собственных революций, сегодня противоречит воле современного человека и государства; что оно излишне и вредно; что оно несвоевременно.

И опираясь на порожденные нами труд и жизнь, мы противопоставим этому наше понимание свободы, регулирующее и труд, и жизнь, — свободу не как произвол, а как закон.

Затем мы будем ждать — с уверенностью, что развитие всегда следует за достижениями, — не сойдутся ли современные люди Германии и Бельгии в новой истории так же, как когда-то сошлись в истории древней.